

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 2. С. 47–63.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2025. Vol. 8, no. 2. P. 47–63.

Научная статья / Original article

УДК 008

doi:10.17323/2658-5413-2025-8-2-47-63

«СТРАНА, ГРАНИЧАЩАЯ С БОГОМ»: ЗНАЧЕНИЕ ПОЕЗДОК В РОССИЮ В ТВОРЧЕСТВЕ РИЛЬКЕ

Джованни Пирари

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, dpirari@hse.ru

 Аннотация. Будучи очень молодым, Рильке покинул Прагу и переехал в Мюнхен, где в 1897 году встретил Лу Саломе, русскую иммигрантку. Она помогла молодому поэту открыть для себя русское культурное и духовное наследие, разжигая страсть к великой стране на востоке Европы. В апреле 1899 года Рильке отправился в первую поездку в Россию, где встретил Толстого, Леонида Пастернака, скульптора Павла Трубецкого. Он почувствовал себя навсегда изменившимся под впечатлением от русской пасхальной ночи на Красной площади в Москве. В последних письмах он пишет, что нашел свою родину в России, что наконец-то чувствует себя как дома. По возвращении в Германию он написал эссе «Русское искусство», начал писать «Stunden-Buch» — поэму о духовном опыте монаха-иконописца, интенсивно изучал русский язык и литературу. В 1900 году он во второй раз поехал в Россию, признанную теперь его

© Пирари Дж., 2025

настоящей родиной. Третьего путешествия не последует, но Россия реальная, литературная и воображаемая навсегда останется в творчестве и личности Рильке. В этой статье я стремлюсь проанализировать влияние русских путешествий на произведения Рильке, уделив особое внимание тому, как эти путешествия повлияли на формирование его личности и на способ понимания самого себя, своего творчества и поэтического призвания — аспект, упускаемый из виду в литературе, посвященной этой теме.

Ключевые слова: Райнер Мария Рильке, Россия, русское искусство, поэзия, путешествия, Европа, Родина, воображение, символ, мысль, метафизика, реальность, образ, пространство

Благодарности. Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: *Пирари Дж.* «Страна, граничащая с Богом»: Значение поездок в Россию в творчестве Рильке // *Философические письма. Русско-европейский диалог.* 2025. Т. 8, № 2. С. 47–63.
doi:10.17323/2658-5413-2025-8-2-47-63.

On the 80th Anniversary of Vladimir Karlovich Kantor

“THE COUNTRY BORDERING GOD”:
THE IMPORTANCE OF TRIPS TO RUSSIA IN RILKE’S WORK

Giovanni Pirari

National Research University
“Higher School of Economics” (HSE University),
Moscow, Russia, dpirari@hse.ru

Abstract. When he was very young, Rilke left Prague and moved to Munich, where in 1897 he met Lou Andreas-Salomé, a Russian immigrant who helped the young poet discover the Russian cultural and spiritual heritage, igniting his passion for the great country to the east of Europe. In April 1899, Rilke embarked on his first trip to Russia, where he met Tolstoy, Leonid Pasternak, and the sculptor Pavel Trubetsky. He felt forever changed by the experience of the Russian Easter night on Red Square

in Moscow. In his later letters, he writes that he found his homeland in Russia and that, for the first time, he felt truly at home. Upon returning to Germany, he wrote the essay *Russian Art*, he began writing the “Stunden-Buch”, a poem about the spiritual experience of a monk-iconographer, and immersed himself in studying the Russian language and literature. In 1900, he embarked on his second trip to Russia, now recognized as his true homeland. There would be no third journey, but Russia — real, literary, and imagined — would forever remain in Rilke’s works and in his personal identity. In this article, I aim to analyze the impact of his Russian travels on Rilke’s work, paying special attention to how these travels influenced the development of Rilke’s personality and his understanding of himself, his creativity, and his vocation as a poet — an aspect often overlooked in the literature on this subject.

Keywords: Rainer Maria Rilke, Russia, Russian art, poetry, travel, Europe, Motherland, imagination, symbol, thought, metaphysics, reality, image, space

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).

For citation: Pirari, G. (2025) “‘The Country Bordering God’: The Importance of Trips to Russia in Rilke’s Work,” *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 8(2), pp. 47–63. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2025-8-2-47-63.

«Другие страны граничат с горами, морями, реками, но Россия граничит с Богом» — так можно кратко выразить содержание одной из «Geschichten vom lieben Gott»¹, где Рильке передает свое впечатление, оставшееся от первого путешествия в Россию.

Через два десятилетия после двух поездок в Россию, в 1899 и 1900 годах, он написал, что эта страна «сделала меня тем, кем я есть, (...) именно она — родина всех моих инстинктов, все мои внутренние истоки — там!» [Rilke, 2020, S. 350]. Неоднократно до самой смерти он повторял, что встреча с великой страной на Востоке была «решающим событием» его жизни [Rilke, 2020, S. 42; Brutzer, 1969, S. 1].

Джордж Эпп сравнивает значение этого опыта для Рильке с путешествием в Италию для Гёте, в Италию или Грецию для Байрона и других английских и

¹ Wie der Verrat nach Russland kam [Rilke, 1904].

Райнер Мария Рильке (1875–1926)

немецких поэтов [Ерр, 1984, S. 27]. В 1903 году Рильке признался Лу Андреас-Саломе, «что Россия — моя родина, — это одно из тех великих и таинственных убеждений, которым я живу» [Asadowski, 1986, S. 6; Karenovics, 2005, S. 95]².

Для Рильке место рождения стало вторичным по сравнению с выбором духовной родины: «Я уроженец Праги, но русской крови, — сказал он в 1914 году в беседе с Жоффией Дэнеш, — и это случайность, что мой родной язык — немецкий» [Rilke, 2020, S. 471]. Глубина связи Рильке с Россией настолько велика, что ей была посвящена межнациональная выставка в Германии, Швейцарии и Москве в 2017 году.

Все это началось со встречи с Лу Андреас-Саломе — женщиной, судьбоносной для философской и чувственной жизни Фридриха Ницше. Она родилась в Санкт-Петербурге в семье немцев (с дальним гугенотским происхождением) [Lavrin, 1968, S. 150], где редко говорили по-русски [Schmidt, 2020, S. 12]. Ее отец, генерал русской службы, в последние годы обучал свою дочь исключительно

² Удивительно также, что Рильке в своем самом длинном письме на русском языке — письме Софье Шильд от 29 августа 1900 года — назвал Россию своей загадочной родиной [Rilke, 2020 S. 182] и затем в письме Лу Андреас-Саломе от 15 августа 1903 года превратил это чувство принадлежности в одну из «загадочных уверенностей» [Rilke, 2020, S. 273] своей жизни.

в рамках западной образовательной традиции, поскольку Лу не особо владела русским языком. Уже в 19 лет она покинула Россию и переехала в Германию³.

В 1887 году Лу Саломе вышла замуж за ориенталиста Фридриха Карла Андреаса. В своих писаниях она во многом предвосхитила то, что Рильке чуть позже открыл в России. Ее живое представление о верующем и смиренном вечном русском человеке и неведомой «русской душе», которая «в своем великом простодушии обладает всем Высшим» [Andreas-Salomé, 2013, S. 126], Рильке воспринял с воодушевлением.

У Андреас-Саломе и Рильке доминирует положительное отношение к России имперской, благоговейный трепет перед ее крестьянским, консервативным миром как источником возможного духовного обновления Западной Европы, зараженной индустриализацией и буржуазным практицизмом. Читая их произведения, чувствуешь, что оба автора являются детьми своего времени.

Начиная с 1880-х годов Россия действительно стала рассматриваться как антипод индустриального, декадентского и цивилизационно истощенного Запада, пространством мечтаний и надежд, как античная Греция и Италия в эпоху Гёте или Средневековье и Индия в романтизме. Для Фридриха Ницше, например, Россия была «понятием, противоположным жалким европейским мелким государствам и нервозности», единственной державой, «у которой сегодня есть будущность, которая может ждать, которая еще может что-то обещать» [Nietzsche, 1988, S. 141]. После Октябрьской революции 1917 года Стефан Цвейг был очарован «детской и трогательной, умной и еще необразованной сущностью этих людей» [Zweig, 2010, S. 340]. Русские, как полагали, еще имели прямую связь с Богом и природой и могли бы существенно способствовать культурному, духовному и религиозному обновлению Европы.

Первую встречу с Лу 12 мая 1897 года Рильке позже сравнит с рождением. На самом деле, после этой встречи он как бы переродился, потому что имя Рене — в переводе «Воскресший» — показалось решительной подруге слишком женственным и неподобающим поэту. По ее совету Рильке вскоре сменил свое имя на Райнер. Рене считалось «натянутым и претенциозным на публике», осторожно писал он матери. «Райнер — это красиво, просто и по-немецки» [Schmidt, 2020, S. 12–13].

Тем летом, когда Рильке сменил имя, он также познакомился с петербургским журналистом и критиком Акимом Волынским. Волынский привез рассказ Рильке «Все в одном» в Россию и опубликовал его в журнале «Северный

³ По поводу биографических заметок о Лу Андреас-Саломе и ее встрече с Рильке см.: [Schmidt, 2020, S. 14].

вестник». Это была первая публикация Рильке в России. Причем она случилась в тот момент, когда молодой поэт еще не был известен в немецкоязычном мире. Таким образом, русский язык стал первым из бесчисленных языков, на которые был переведен Рильке [Schmidt, 2020, S. 13–14].

Весной 1899 года, после нескольких месяцев подготовки, изучая русский язык и искусство, Рильке в компании с Лу Андреас-Саломе и Фридрихом Карлом Андреасом отправился в путешествие, которое привело его в Москву и Санкт-Петербург. Оно длилось с 25 апреля по 18 июня.

В Великий четверг 1899 года семья Андреасов, а с ними и 23-летний Рильке, прибыли в Москву. «[Когда я приехал в Москву в первый раз], все было знакомо и родное (...). Это был город моих самых древних и глубоких воспоминаний, это было постоянное воссоединение и приветствия: это была родина» [Rilke, 2020, S. 291], — писал он позже в письме Эллен Кей от 2 апреля 1904 года. Уже на следующий день, в Страстную пятницу, маленькая группа посетила великого Льва Толстого. Эта встреча была организована Леонидом Пастернаком. В лице Пастернака, который также был известен как иллюстратор Толстого, Рильке в свои первые дни пребывания в России нашел знакомого, а позже — друга, с которым его отношения не прервутся до конца жизни. И именно этот художник создал посмертный образ, который стал своего рода иконой связи Рильке с Россией.

Во время чаепития Толстой выразил явное недовольство по поводу намерений путешественников провести пасхальную ночь в Кремле и таким образом присоединиться к «суеверному народному обычаю» [Rilke, 2020, S. 45; Andreas-Salomé, 1928]. Однако Рильке был очарован Толстым, и его критика Пасхи не оставила в душе поэта никакого следа.

Для Рильке эта ночь стала своего рода инициацией, которая навсегда определила его отношение к России: «Я пережил Пасху лишь один раз», — писал он своей бывшей спутнице 31 марта 1904 года, и этого «хватит на всю жизнь» [Rilke, 2020, S. 290]. Думаю, эти слова Рильке можно воспринимать буквально.

Уже во вторник после Пасхи путешественники отправились из «города кафедральных соборов и монастырей» [Rilke, 2020, S. 48] в Санкт-Петербург. За пять с половиной недель, проведенных на Неве, Рильке посетил театры, исследовал церкви, музеи и галереи, а также завел знакомства с интеллектуалами и художниками, такими как знаменитый живописец Илья Репин. Однако в родном городе Лу Андреас-Саломе Рильке чувствовал себя гораздо менее уютно, чем в любимой Москве. Здесь все казалось ему «более европейским» [Rilke, 2020, S. 49], то есть менее русским.

Интерес Рильке к России всегда был связан с народной духовностью, традиционным искусством иконы и с беспредельными неведомыми просторами, далекими от европейской цивилизации.

Россия пробудила у Рильке настоящее ощущение природы, ее масштаба, величия и бесконечности. В бескрайних и нетронутых просторах восточной империи он увидел мир, в котором человек еще не был разрушен процессами отчуждения — неизбежным результатом рождения высокоразвитой капиталистической цивилизации. Это и было причиной того, почему поэт испытывал симпатию к России, принимая ее национальное мировоззрение как «основу своего чувства и восприятия мира».

Россия была для Рильке чем-то большим, чем жизнь, — огромной землей, населенной смиренными крестьянами, полной возможностей, реализуемых благодаря терпению и религии. Он пишет: «Россия стала для меня действительностью и вместе с тем глубоким ежедневным сознанием, что реальность — это нечто далекое, бесконечно медленно приходящее к тем, кто имеет терпение. Россия — это страна, где люди одиноки, где каждый несет в себе целый мир, каждый полон темноты, как гора; где каждый глубок в своем смирении, без страха унизиться, и потому благочестив» [Neugrodt, 1921, S. 7].

Из писем и дневников Рильке становится очевидным, что для него Россия — это крестьянин и безбрежная, дремлющая земля, это кровавая, но великолепная история полувосточной империи, великолепные обряды православной религии, но прежде всего — это медленный, молчаливый, близкий и вездесущий русский Бог.

В русской культуре и литературе Рильке искал то, чего ему не хватало в Европе [Березина, 1985, с. 112]. Он считал, что Бог, утраченный европейцами, все еще живет здесь и что люди по-прежнему находятся с Ним в связи [Березина, 1985, с. 112]. Без человека, как пишет А. Неусыхин, Бог теряет свою значимость [Неусыхин, 1977, с. 427]. Именно во время своего путешествия в Россию поэт осознал тайну триединства, состоящего из Бога, человека и природы. Как видно из его эссе о русском искусстве, а также из его рассказов и писем, русский народ предстал перед поэтом как носитель абсолютных ценностей, вдохновленный на самоусовершенствование, а Россия стала его духовной родиной, где Рильке нашел то, чего ему не хватало в атмосфере распада Австро-Венгерской империи, — духовности. Путешествия пробудили новое восприятие и чувство природы, которая предстала перед ним во всем величии и бесконечности, в своей оригинальности. Именно эта природа пробудила у поэта чувство глубокой связи с землей. Теперь в его произведениях образы материального чувственного мира становятся непосредственным объектом и целью поэзии: поэт

начинает говорить о слиянии природы и души как единого потока бытия, о неразрывной связи с миром и вещами.

Глубина впечатлений оказалась такой, что с окончанием первого путешествия началась подготовка ко второму. Почти сразу после возвращения в Германию Рильке «всей душой и телом посвятил себя изучению русского языка», «с феноменальным упорством весь день» учил «язык, литературу, историю искусства, культурную историю России, как если бы готовился к страшному экзамену». Осенью он записался на «русские предметы» [Rilke, 2020, S. 112] в Берлинский университет и даже перестроил свою квартиру: появился «благочестивый русский уголок» [Rilke, 2020, S. 77], для которого он получил репродукцию своего любимого полотна «Богатыри» Виктора Васнецова от Елены Ворониной.

Он читал Сергея Аксакова, Пушкина и Тургенева в оригинале, а также «Казakov» Толстого — «в руках словарь и грамматика, медленно, слово за словом» [Rilke, 1979, S. 137], писал он Акселю Юнкеру 10 мая 1904 года.

Еще до второго путешествия в Россию Рильке решился на переводы. Он перевел отрывки из рассказа Федора Сологуба «Червяк», а также стихотворения Михаила Лермонтова, Константина Фофанова и Спиридона Дрожжина. Его перевод пьесы Чехова «Чайка» утерян, как и перевод из «Бедных людей» Достоевского [Schmidt, 2020, S. 17] — из текста, который Рильке считал подлинно русским [Brodsky, 1977, S. 314].

Между 1902 и 1904 годами Рильке также перевел «Слово о полку Игореве» лирической прозой [Karenovics, 2005, S. 95; Kleinhampel, 2017], которая была опубликована после его смерти — в 1930 году. Идея сделать перевод возникла в Киеве. В письме Софье Шилль от 23 февраля 1900 года поэт писал: «Среди других книг меня бесконечно заинтересовало “Слово о полку Игореве”, слезы Ярославны там лучшие» [Пеленский, 2003]. Этот перевод остается лучшим на немецком языке до сих пор.

То, что первая встреча Рильке с Россией была похожа на пробуждение, подтверждается и поэтическим всплеском, который последовал вскоре после его возвращения. За очень короткое время были написаны рассказы «Geschichten vom lieben Gott», большие части цикла «Цари» и, якобы за одну ночь, «Песнь о любви и смерти корнета Кристофа Рильке». Но прежде Рильке написал менее чем за месяц 68 стихотворений, которые он сначала называл «молитвами», а затем они стали первым разделом «Stunden-Buch», известным как «Книга монашеской жизни»⁴.

⁴ О влиянии русского путешествия на «Stunden-Buch» Рильке см.: [Brodsky, 1977].

«Geschichten vom lieben Gott» были написаны в ноябре 1899 года, после «Книги монашеской жизни». Леппман называет их «прозаическим комментарием к стихам Stunden-Buch» [Leppmann, 1998, S. 7]. Три русские истории — «Как предательство пришло в Россию», «Как старый Тимофей умер» и «Песнь о справедливости» — черпают вдохновение из знаний Рильке о русской и украинской истории и о народной литературе (народные песни, былины, сказки). Они рисуют образ Бога, России и смиренного русского человека⁵.

Первая часть «Stunden-Buch» — «Книга монашеской жизни» — была написана в результате первого путешествия в Россию весной 1899 года, и московский опыт Пасхи отголоском звучит здесь. Монах, задуманный как иконописец святого образа, отправляется на поиски Бога — того, которого Рильке привез из России. Это не величественный, возвышенный Бог традиции, а «соседний Бог» (I, 255), «шумный, угрюмый» (I, 277), скрытый, становящийся Бог, своего рода *deus absconditus*: «Ты — глубокая суть вещей, молчащая об их последнем слове» (I, 327), а главное — темный Бог: «Мой Бог темный, как ткань / из сотни корней, что молча пьют» (I, 254).

«Das Buch der Bilder» создавался между 1902 и 1906 годами. Во второй части этого сборника можно найти стихи, чьи мотивы взяты из русской истории и русских былин (героических песен), например стихотворение «Карл XII едет в Украину» и цикл стихов «Цари». «Темный» Бог в этот период, который характеризуется обращением Рильке к «вещи», изливается в природе и ее предметах [Vilain, 2020].

В «Записках Мальте Лауридса Бригге» (1910) появляются две русские фигуры: Николай Кузьмич, петербургский сосед, и (вновь взятый из русской истории) Гришка Отрепьев. Здесь снова встречается и русский Бог Рильке из «Stunden-Buch».

«Stunden-Buch», а также «Geschichten vom lieben Gott» — творчество молодого поэта, который в поисках ориентира как религиозного, так и литературного отправился на Восток и теперь уверовал, что в России он нашел единственную страну, «через которую Бог еще связан с землей» [Rilke, 1901]. Он обнаружил там в восточно-христианской святой иконе образ для собственной поэтики.

Рильке ценил иконы за их функцию интерфейса к духовному миру и разработал собственную теорию вещей как объектов духовно обоснованной поэтической практики, основываясь на наблюдении за поклонением иконам. Его любимой иконой была икона Знамения Пресвятой Богородицы (Знаменская), которая несет Христа в своем центре. После возвращения из первого

⁵ О религиозности Рильке до его поездки в Россию и о том, как она повлияла на его представление о Боге, см.: [Legner, 1938].

путешествия в Россию Рильке написал стихотворение под названием «Die Znamenskaја».

В этом стихотворении, созданном 8 августа 1899 года в садовом домике Фриды фон Бюло на Биберсберге близ Мейнингена, во время шестинедельного пребывания Рильке с Лу Андреас-Саломе, поэт впервые предстает в образе иконописца, стремящегося с помощью слова нарисовать порог, за которым открывается путь в царство духовных реалий:

Как если бы я вел белокурого ребенка,
так хочу я вести свою золотую линию
вокруг твоего лица, как вокруг крыльчатых дверей,
за которыми сто восемьсот световых сигналов.

И потом мы еще гуляем вокруг твоего платья,
осторожно следуем за его округлыми складками
и руками, которые, как сущности,
поднялись рядом с тобой;
и путь вокруг тебя будет широк.

Мы строим тебя, несмотря на то что ты так мала,
в темнеющей иконе,
когда просим: «Приди и живи»,
кисть идет бесконечно,
и путь вокруг твоей короны
ведет к унынию.

Не думай, что я хочу тебя ограничить
слабым, робким следом,
твоя великая благодать сияет
превыше всякого контура.

⟨...⟩

И тогда ты как-то приходишь
в образы, как в беседки,
и мы находим тебя там.

⟨...⟩⁶

⁶ Это мой перевод, который, безусловно, имеет недостатки и не может отражать немецкий оригинал: См. стихотворение «Die Znamenskaја» (Der Madonnenmaler): [Rilke, 2020, S. 68–69].

Икона и способ, которым она почитается, вдохновили Рильке на то, чтобы заново обосновать свою поэзию как литературную иконопись. Оклады — покрытия из латуни или серебра, которые окружали едва заметные цветовые области некоторых типов икон, — он видел как «пустые овалы», которые наполняются и оживают лишь благодаря «творческому стремлению» молящегося. «Темнеющая икона»⁷, лик которой полностью сокрыт от зрителя, требует «танца мыслей» [Rilke, 1901], где творческие силы и религиозное благоговение объединяются. Это творческое поклонение Рильке перенял для своей концепции искусства, так же как строгость и серьезность, с которыми должен был действовать иконописец: «Тебя писать нельзя нам своевольно», — говорится в «Stunden-Buch» с отсылкой к давно существующим правилам живописи и композиции в русской иконописи:

Тебя писать нельзя нам своевольно,
Ты — Лоно Дня, Заря! И, возлюбя,
из тех же чаш, где краски богомольно
мешал святой, лучи сияют больно:
берем их — в них он умолчал Тебя.

Перед Тобой мы громоздим иконы,
как в сотни стен — один иконостас.
И если сердцем видим, умиленны,
в ладони лик Твой прячем в тот же час⁸.

Монах из «Книги монашеской жизни» может быть воспринят как представитель византийской школы иконописи. В православной иконной теологии библейский запрет на изображения Бога (Исх. 20:4) может быть необычным образом объединен с возможностью изображения человека — и, следовательно, воплощенного Бога — в иконе [Ouspensky, 2007]. Икона воспринимается не как субъективное художественное изображение, а как непосредственное присутствие и «явление» с церковно-литургической функцией. В этом смысле в стихах Рильке речь идет об изображении Бога: «Молчание о божественной славе в иконах Рильке неизменно подчеркивается и в новых вариациях. Он хочет почувствовать Бога за иконами, поэтому художник должен молчать о Нем в изображении» [Erp, 1984, S. 59]. Это удивительно точно соответствует иконо-

⁷ «Die dunkelnde Icone». См. стихотворение «Die Znamenskaja» (Der Madonnenmaler): [Rilke, 2020, S. 68–69].

⁸ Rilke R. «Das Buch vom mönchischen Leben» (1899). Пер. А. Прокопьева.

логическому восприятию иконы как окна, которое — так же, как иконостас, который разделяет пространство для мирян и алтарное пространство, — размещено между небесным и земным миром и на котором изображены черты архетипов в плоской, двухмерной форме (в восточной церковной живописи нет трехмерных изображений святых). Чудотворная икона в народном представлении как «нерукотворная» объединяет архетип и изображение через сходство формы — образ является «отпечатком» самого прототипа. Поэтому каноническое воспроизведение подчиняется строгим традиционным предписаниям. Создание иконы — это служение, а личность иконописца (в отличие от западного сакрального искусства) не имеет значения и потому чаще всего не сохраняется [Флоренский, 1993].

Так, в первом стихотворении «Stunden-Buch» под названием «Час склоняется» в качестве монаха предстает и иконописец, а значит — и в качестве художника, духовно служащего Богу, который рисует вещи «на золотом фоне», в данном случае не красками, а словами. Это программное стихотворение буквально открывает первый значительный сборник стихов Рильке. Ведь в «чистом, металлическом звоне» [Флоренский, 1993], который услышал монах, отдается звук самого большого колокола Кремля, чей мощный звон так потряс молодого поэта в пасхальную ночь 1899 года, что еще долго звучал в его жизни.

Первая поездка продолжалась около семи недель. Вторая, которую Рильке смог совершить год спустя с Лу Андреас-Саломе, была более чем в два раза дольше и привела их на Украину и на Волгу.

Отправной точкой снова стала Москва, куда пара прибыла 9 мая 1900 года. Они составили себе насыщенную культурную программу, в которой основное внимание уделялось галереям. Обязательно хотелось вновь встретиться с Львом Толстым, которого, однако, не оказалось в Москве. Поэтому после трех с половиной недель пребывания там они отправились в сторону Тулы, где находилась усадьба Толстого Ясная Поляна.

По пути к Туле состоялась случайная, но тем не менее судьбоносная встреча с Леонидом Пастернаком, который был в компании своего десятилетнего сына Бориса. Эта единственная встреча с Рильке станет для будущего лауреата Нобелевской премии по литературе важной вехой [Schmidt, 2020, S. 20].

Навсегда в памяти останется и вторая встреча Рильке с Толстым 1 июня 1900 года. Речь идет о той легендарной прогулке по Ясной Поляне, которая вошла в мировую литературу и даже была интерпретирована как удачный акт международного взаимопонимания. Так, когда канцлер Гельмут Коль в 1994 году прощался с российскими войсками, покидавшими Германию после

почти 50-летнего пребывания, он назвал эту встречу поэтов одним из ярких примеров немецко-русских отношений [Schmidt, 2020, S. 20].

Встречи Рильке с Львом Толстым носили характер почти паломничества, как и многие другие его путешествия по России. Можно с уверенностью сказать, что поэт нашел там именно то, что искал; то есть его впечатления были интенсивными, но избирательными. Толстой, столь отличавшийся своим дидактическим и моральным взглядом на жизнь и искусство, тем не менее для Рильке был «вечным русским» [Brutzer, 1969, S. 48], идеализированной фигурой, одновременно доброй и величественной, мягкой и внушительной.

После краткосрочного пребывания в Ясной Поляне путешествие продолжилось в Киеве, где пара надеялась найти «древнейшие русские настроения». Разочарованная, Лу Андреас-Саломе записала: при виде Киева «вспоминаешь Варшаву, Петербург, даже Висбаден, но не Россию», а Рильке в письме к матери от 26 мая (8 июня) 1900 года в похожем духе заметил, что бывшая столица Древней Руси стала «польской, то есть международной» [Rilke, 2020, S. 156].

На Украине Рильке не искал различий между русским и украинским — только общее. Особенно его привлекал «самый святой монастырь в империи» [Rilke, 2020, S. 156] — пещерный монастырь с мумиями монахов и множеством паломников, который он посетил не один раз. Во второй части «Stunden-Buch», в книге «Buch von der Pilgerschaft», духовные переживания Рильке на Днепре будут литературно запечатлены.

После Киева наступила кульминация второго пребывания в России: восьмидневное путешествие по Волге, которое началось в Саратове и продолжилось на север, до Ярославля.

Глядя на безбрежные просторы Волги, которых не коснулась западная цивилизация, с их далекими горизонтами и огромными облаками, Рильке записал, что ему казалось, будто он «смотрел на создание мира Богом» [Rilke, 2020, S. 172].

Вернувшись в Берлин, пара рассталась, и Рильке поехал один в художественную колонию Ворпсведе, где продолжал носить одежду в русском стиле — «зеленую рубашку» и «цветные сапоги из татарской кожи с красными аппликациями» [Vogeler, 1952, S. 100] — и пытался вдохновить художников и художниц, в том числе Фогелера, на изучение русской живописи.

Во время своих путешествий по России Рильке искал в галереях и музеях художников, которые «нашли живописное выражение для глубины русского человека» и для которых «иностранные, технические достижения давно подчинены русским мыслям» [Rilke, 1902], — тех, кто отвернулся от европейской традиции. Их картины вдохновили Рильке на создание стихов. Так, его стихотворение «Маслиновый сад» («Der Ölbaum-Garten») использует мотив Бога

оставленного из картины Ивана Крамского «Христос в пустыне», а монументальное полотно Виктора Васнецова «Царь Иван Васильевич Грозный» оставило следы в цикле «Цари».

Рильке также пытался организовать в Берлине и Вене, в залах Сецессиона, выставку художников группы «Мир искусства». Он написал два эссе о русском искусстве — «Русское искусство» (1900, январь) и «Современные русские художественные стремления» (1901).

Рильке планировал третью поездку в Россию и даже хотел в нее переехать: удивительная фиксация желания для автора, который за свою жизнь сменил бесчисленное количество комнат и домов и которого Гуго фон Гофмансталь называл безродным и бездомным⁹.

Однако он больше не вернется в Россию, но духовная связь с этой страной навсегда останется частью его внутренней жизни. Это подтверждается многочисленными письмами, в которых Рильке в разные периоды жизни оглядывался на Россию и описывал собеседникам важность этого опыта.

Список источников

Березина А. Поэзия молодого Рильке. Л.: ЛГУ, 1985. 183 с.

Неусыхин А. Основные темы поэтического творчества Рильке // *Рильке Райнер Мария*. Новые стихотворения. М.: Наука, 1977. С. 420–443.

Пеленський Є. Рільке і Україна // *Зарубіжна література*. 2003. № 36. С. 8.

Флоренский П. А. Иконостас. Избранные труды по искусству. СПб.: Мифрил; Русская книга, 1993.

Andreas-Salomé Lou. Das russische Heiligenbild und sein Dichter // *Dies, Lebende Dichtung. Aufsätze und Essays. Band 3.2: Literatur II /Ästhetische Theorie*. Hg. v. Hans-Rüdiger Schwab. Taching am See, 2013.

Andreas-Salomé Lou. Rainer Maria Rilke. Leipzig, 1928.

Asadowski K. Rilke und Rußland. Briefe, Erinnerungen, Gedichte, Berlin u. Weimar, 1986.

Brodsky P. P. Russia in Rilke's *Das Buch der Bilder* // *Comparative Literature*. 1977. Vol. 29, no. 4, pp. 313–327. doi:10.2307/1769691.

Brutzer Sophie. Rilkes russische Reisen. Darmstadt, 1969.

Epp George K. Rilke und Russland. Frankfurt a. M.; Bern; New York, 1984.

Heygrodt Robert Heinz. Rilke und Rußland // *Berliner Tageblatt*. 1921. Nov. 22.

Karenovics Ilja. Rilke in Russland — Russland in Rilke. Rainer Maria Rilkes “Russlanderlebnis” // *Jahrbuch für Schöne Wissenschaften*. Dornach, 2005. S. 93–109.

⁹ См. Hugo von Hofmannsthal an Theodora von der Mühll, 12.1.1927 в [Rilke, 2009, S. 1043].

Kleinhampel Ulrich R. Rilke's Translation of "The Slovo o Polku Igoryeve" ("The Song of Igor's Campaign") in the Context of His Spiritual and Poetological Development // *Aliter*. 2017. Vol. 8. P. 3–32.

Lavrin J. Rilke and Russia // *The Russian Review*. 1968. Vol. 27, no. 2, pp. 149–160.

Legner W. K. The Religion of Rainer Maria Rilke before His Visits to Russia // *Monatshefte Für Deutschen Unterricht*. 1938. Bd. 30, N. 8. S. 440–453.

Leppmann Wolfgang. Rilke. Sein Leben, seine Welt, sein Werk. München; Zürich, 1998.

Nietzsche Friedrich. Götzen-Dämmerung // *Ders. Sämtliche Werke. Kritische Studienausgabe in 15 Bänden*. Hg. v. Giorgio Colli und Mazzino Montinari. München, 1988. Bd. 6.

Ouspensky Léonide. La théologie de l'icône dans l'Église orthodoxe, Éditions du Cerf. Paris, 2007.

Rilke Rainer Maria. "Meine geheimnisvolle Heimat": Rilke und Russland. Hsg. T. Schmidt. Berlin: Insel, 2020.

Rilke Rainer Maria. Briefe an Axel Juncker. Hg. v. Renate Scharffenberg. Frankfurt a. M., 1979.

Rilke Rainer Maria. Geschichten vom lieben Gott. Leipzig: Insel, 1904.

Rilke Rainer Maria. Moderne Russische Kunstbestrebungen // *Die Zeit* (Wochenschrift). 1902. Bd. XXXIII, N. 424. November 15. Wien.

Rilke Rainer Maria. Russische Kunst // *Die Zeit* (Wochenschrift). 1901. Bd. XXIX, N. 368. Oktober 19. Wien.

Rilke Rainer Maria. Schriften zur Literatur und Kunst. Kommentierte Auswahl der wichtigsten Schriften, herausgegeben von Torsten Hoffmann. Reclam, Stuttgart, 2009.

Schmidt Thomas. "Wurzel schlagen". Rilkes lebenslange Russlandliebe // *Rilke Rainer Maria.* "Meine geheimnisvolle Heimat": Rilke und Russland. Hsg. T. Schmidt unter Mitarbeit v. Julia Maas. Berlin: Insel, 2020. S. 7–37.

Vilain R. Rilke and God // *Oxford German Studies*. 2020. Vol. 48, no. 4, pp. 472–493.

Vogeler Heinrich. Erinnerungen. Berlin, 1952.

Zweig Stefan. Die Welt von Gestern. Erinnerungen eines Europäers. Frankfurt a. M., 2010.

References

Berezina, A. (1985) *Poeziya molodogo Ril'ke* [*Poetry of the Young Rilke*]. Leningrad: LGU.

Neusykhin, A. (1977) "Osnovnye temy poeticheskogo tvorchestva Ril'ke" ["The Main Themes of Rilke's Poetry"], in *Rilke, Rainer Maria. Novye stikhotvoreniya* [*New Poems*]. Moscow: Nauka, pp. 420–443.

Pelens'kii, Є. (2003) "Ril'ke i Ukraïna" ["Rilke and Ukraine"], *Zarubizhna literatura* [Foreign Literature], 36, p. 8.

Florenskii, P. A. (1993) *Ikonostas. Izbrannye trudy po iskusstvu* [Iconostasis. Selected Works on Art]. St. Petersburg: Mifril; Russkaya kniga.

Andreas-Salomé, Lou (2013) "Das russische Heiligenbild und sein Dichter," in *Dies, Lebende Dichtung. Aufsätze und Essays. Band 3.2: Literatur II /Ästhetische Theorie*. Hg. v. Hans-Rüdiger Schwab, Taching am See.

Andreas-Salomé, Lou (1928) *Rainer Maria Rilke*. Leipzig.

Asadowski, K. (1986) *Rilke und Rußland*. Briefe, Erinnerungen, Gedichte, Berlin u. Weimar.

Brodsky, P. P. (1977) "Russia in Rilke's Das Buch der Bilder", *Comparative Literature*, 29(4), pp. 313–327. doi:10.2307/1769691.

Brutzer, Sophie (1969) *Rilkes russische Reisen*. Darmstadt.

Epp, George K. (1984) *Rilke und Russland*. Frankfurt a. M.; Bern; New York.

Heygrodt, Robert Heinz. (1921) "Rilke und Rußland," *Berliner Tageblatt*, Nov. 22.

Karenovics, Ilja (2005) "Rilke in Russland — Russland in Rilke. Rainer Maria Rilkes 'Russlanderlebnis'", in *Jahrbuch für Schöne Wissenschaften*. Dornach, S. 93–109.

Kleinhampel, Ulrich R. (2017) "Rilke's Translation of 'The Slovo o Polku Igoryeve' ('The Song of Igor's Campaign') in the Context of His Spiritual and Poetological Development," *Aliter*, 8, pp. 3–32.

Lavrin, J. (1968) "Rilke and Russia," *The Russian Review*, 27(2), pp. 149–160.

Legner, W. K. (1938) "The Religion of Rainer Maria Rilke before His Visits to Russia," *Monatshefte Für Deutschen Unterricht*, 30(8), S. 440–453.

Leppmann, Wolfgang (1998) *Rilke. Sein Leben, seine Welt, sein Werk*. München; Zürich.

Nietzsche, Friedrich (1988) "Götzen-Dämmerung," in *Ders. Sämtliche Werke. Kritische Studienausgabe in 15 Bänden*. Hg. v. Giorgio Colli und Mazzino Montinari. Bd. 6. München.

Ouspensky, Léonide (2007) *La théologie de l'icône dans l'Église orthodoxe*, Éditions du Cerf, Paris.

Rilke, Rainer Maria (2020) "Meine geheimnisvolle Heimat": *Rilke und Russland*. Hsg. T. Schmidt. Berlin: Insel.

Rilke, Rainer Maria (1979) *Briefe an Axel Juncker*. Hg. v. Renate Scharffenberg. Frankfurt a. M.

Rilke, Rainer Maria (1904) *Geschichten vom lieben Gott*. Leipzig: Insel.

Rilke, Rainer Maria (1902) "Moderne Russische Kunstbestrebungen," *Die Zeit (Wochenschrift)*, XXXIII(424), November 15, Wien.

Rilke, Rainer Maria (1901) “Russische Kunst,” *Die Zeit (Wochenschrift)*, XXIX(368), Oktober 19. Wien.

Rilke, Rainer Maria (2009) *Schriften zur Literatur und Kunst*. Kommentierte Auswahl der wichtigsten Schriften, herausgegeben von Torsten Hoffmann. Reclam, Stuttgart.

Schmidt, Thomas (2020) “Wurzel schlagen.” Rilkes lebenslange Russlandliebe. Einleitung zu: “Meine geheimnisvolle Heimat.” Rilke und Russland. Hg. v. Thomas Schmidt unter Mitarbeit v. Julia Maas. Berlin 2020 (RUR), pp. 7–37.

Vilain, R. (2020) “Rilke and God,” *Oxford German Studies*, 48(4), pp. 472–493.

Vogeler, Heinrich (1952) *Erinnerungen*, Berlin.

Zweig, Stefan (2010) *Die Welt von Gestern. Erinnerungen eines Europäers*. Frankfurt a. M.

Информация об авторе: Джованни Пирари — научный сотрудник Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4.

Information about the author: Giovanni Pirari — Research Fellow at the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.12.2024;
одобрена после рецензирования 01.06.2025;
принята к публикации 10.06.2025.

The article was submitted 14.12.2024;
approved after reviewing 01.06.2025;
accepted for publication 10.06.2025.